

СМЕТНЕВА А. Ю.

**СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ОБЫЧАЕВ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
ПОВЕСТВОВАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ МОРДОВИИ**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности интерпретации и способы введения в художественную систему литературного произведения национальных обычаев, что позволяет говорить об органичной связи мордовского литературного текста с образцами устного народного творчества мокши и эрзи.

Ключевые слова: национально-обрядовая культура мордвы, устное народное творчество, традиции, сквозные образы, этнос.

SMETNEVA A. YU.

**SPECIFICS OF TRADITIONAL RITES REPRESENTATION
AS A FEATURE OF THE NARRATIVE OF MORDOVIAN WRITERS**

Abstract. The article considers the features of interpretation and ways of introducing traditional rites into a literary work. The study reveals an organic integration of Mokshan and Erzian folklore samples into the Mordovian literary text.

Keywords: traditional and ritual culture of Mordva, folklore, traditions, recurring character, ethnic group.

Народный обычай как богатейший источник изучения специфики мордовской культуры привлекает внимание не только специалистов в области этнографии, истории, археологии, но и притягивает к себе взгляды писателей, желающих художественно осмыслить реальную действительность. Именно поэтому данный аспект функционирования художественного текста не может быть неинтересен и литературоведу, и литературному критику.

Общеизвестно, что первичным текстом, вобравшим в себя народный обычай, является фольклор как значительная часть культуры каждого этноса. Устное народное творчество мордвы богато, своеобразно, высокохудожественно. Т. П. Девяткина в своей монографии о мифологии мордвы делает попытку выявить локальное своеобразие свадебных обрядов у различных территориальных групп мокши, а также характеризует жанровый состав и поэтические особенности свадебных песен, прослеживает их связь с традиционным бытом народа. Она рассматривает систему традиционного миропонимания, которая отражает в себе не только космогонические мифы, но и обрядовую сферу. Автор дает представление о пантеоне мордовских божеств [5].

Большой вклад в изучение национально-обрядовой культуры мордвы внесли и писатели, отражающие в своих произведениях различные грани мордовского обряда. Анализируя мордовские литературные сказки о животных (например, Я. Пинясова), обратим внимание на имевшиеся в них следы почитания медведя. В ряде мордовских сказок медведь женится на девушке, в результате их брака рождаются необычные люди-богатыри, носители возвышенного, защитники народной правды. В мордовских свадебных обрядах медведю в прошлом отводилось очень большое внимание, как покровителю рода невесты. Тотемное превосходство медведя над другими образами животных объясняется восприятием медведя как символа деторождения, силы, достатка, который требует к себе особого уважения, почитания.

Традиция мордовской старинной свадьбы имеет отражение и в драматической поэме М. Бебана «Вийхца рвя» («Невеста поневоле»), написанной полностью на сюжет старинной свадьбы. Отправной точкой для создания драматической поэмы «Вийхца рвя» («Невеста поневоле») явилась судьба мордовской женщины в прошлом. Действие в поэме относится, примерно, к XVII столетию. Картины традиционной мордовской свадьбы воспроизводятся такими же изобразительно-выразительными средствами, какие присущи свадебной обрядовой поэзии. В поэму введены свадебные причитания, песни, стихотворные импровизации и другие жанры. Особенно удачно в драматической поэме проявилось умение автора выразить переживания героини с помощью вопросительной формы причитаний: «Али курце емлалгодсь? Али кшице ашезь шач? Мее, алякай, панцамак?» «Или рот (твой) уменьшился? Или хлеб (твой) не уродился? Почему, тятенька, выгоняешь меня?» [3, с. 32] Автор не нарушает хода традиционной свадьбы, он точно передает своеобразие быта, нравов и обычаев тех далеких времен. Этот период творчества интересен в том отношении, что он дает возможность наблюдать творческие поиски М. Бебана, попытки использовать художественные богатства мордовской национальной свадьбы.

Многообразно и широко применяет народные обряды и обычаи А. Куторкин в романе в стихах «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги»). Поэт пишет о людях и событиях, происшедших в конце XIX – начале XX века. Существенное место в обрисовке жизни и уклада дореволюционной мордовской деревни занимают обрядовые и бытовые сцены. Так, в роман включены сцены традиционной свадьбы, которые дополняют картины народной жизни самобытным материалом, придают описываемым событиям и героям большую выразительность. Известно, что свадьба всегда связана с жизнью определенного человека. А. Куторкин тоже стремится к индивидуализации образа, отразить наиболее характерные, свойственные персонажу черты. В изображаемой в романе свадьбе встречаются все жанры свадебного обряда: причитания, корильные и величальные песни,

каламбурные выражения. Именно под влиянием народной поэзии и с помощью фольклорного жанра причитаний определился один из важнейших приемов лирического повествования А. Куторкина. Ему национальные обряды и обычаи служат средством воспроизведения исторической действительности. Они несут различные идейно-художественные нагрузки, но вместе с тем все они служат одной цели – реалистическому отражению действительности, углубленному раскрытию идейного содержания романа. Традиции народной обрядности в романе сказываются и в системе средств художественной изобразительности. Роман «Покш ки лангсо умарина» («Яблоня у большой дороги») показывает нам пример умелого использования опыта народной поэзии и этнографии. Здесь писатель проявляет себя как мастер освоения народного художественного опыта. В самом деле, в романе фольклору принадлежит большое место, он наряду с историческими документами лег в основу повествования. Весь этот материал А. Куторкин подверг переработке и переосмыслению, он подчиняет его одной художественной задаче – раскрыть подлинные события, занимающие важное место в истории мордовского народа.

Произведениям К. Абрамова суждено стать самыми известными в современной мордовской литературе. Его творчество привлекает внимание поэтичностью авторского восприятия жизни, правдивостью и непосредственностью изображаемых событий. Писатель показал себя мастером психологической разработки образов. Трудно представить большого писателя без знания национальной культуры своего народа. Как отмечают исследователи, многие произведения К. Абрамова пронизаны национальными традициями мордовского народа. Особенно широко представлена традиционная обрядность в романе «Пургаз». Свадебные, погребально-поминальные обряды, языческие моления, жертвоприношения, включенные в ткань произведения, становятся его органичной частью, сливаются с судьбами героев. Особенно много внимания автор уделяет культу предков: заботе об умерших, молениям и жертвоприношениям в их честь. «Старейшины молян всех родов готовятся под липами к свершению обряда... Моление началось... Тихим голосом старший поблагодарил Ине Шкая за добрую весну и горячее солнце,.. просил защитить их землю и людей от страшных набегов врагов с юга и севера, с запада и востока. Моление продолжалось долго...» [1, с. 154]. Романы К. Абрамова представляют собой самобытное творение талантливого писателя, в которых народные обряды и обычаи необходимы для поэтического воссоздания прошлых эпох.

В русле фольклорных традиций представлен религиозный аспект целого ряда мордовских повествований. Мы согласны с профессором Е. А. Жиндеевой, которая считает, что «концентрированность сюжета, лаконизм, философский контекст позволяют отнести произведение к разряду притч» [6, с. 29]. Нередко в произведениях мордовских авторов

язычество и христианство живут в мордве, и сложно определить степень первичности / вторичности вероисповедания. В этом отношении показательна реальная история крещения С. Д. Нефедова (Эрзи), практически дословно по свидетельству родственников скульптора вошедшая в роман А. Моро. «Неделю он жил без имени – ждали отца, который, как и многие крестьяне из мордвы, находился на заработках. Но по обычаям старины ребенок не должен долго оставаться без имени, так как нечистая сила может сглазить младенца. Боясь такого лиха, старухи, приверженцы язычества, уговорили мать пойти в священную дубовую рощу, где по старому обычаю предков дали имя новорожденному Вирьтяка – дитя лесов. Священник, узнав о вероотступничестве, грозился предать родителей анафеме» [9, с. 5].

Однако этого не случилось, и автор, изображая сцену крещения, особо подчеркивает: «Старухи крестились и хитро нашептывали друг другу на ухо: «Все равно от нашей веры теперь не уйдет, мы своего Бога ему в сердце посадили. Вместе с ним и в рост пойдет. Почтения предков не забудет, от кабалы людей избавит, а крест нового Бога пусть себе висит на шее, авось годится от лихих начальников отбиваться» [9, с. 9].

Поэтому и молчание (неумение говорить) Степана было воспринято с позиций, «что за дитя два бога дерутся, мордовский Нишке и церковный Христос. Поэтому мальчик и будет молчать до тех пор, пока один из них не одолеет другого» [9, с. 9]. В том, что столкновение верований – элемент авторской стилизации, нет сомнений, поскольку речь идет о 80-х годах XIX в. Если учитывать, что христианство мордва приняла еще в конце XVIII в., а некоторые языческие традиции не утратила до настоящего времени, то художественная литература становится транслятором современного состояния религиозных исканий.

Использование элементов традиционной обрядности, включение народных обычаев в художественные тексты можно встретить и в творчестве других мордовских писателей (Д. Морской «Ульяна Сосновская», Т. Раптанов «Татю», М. Безбородов и др.).

Народно-поэтический источник, питавший мордовскую литературу и в период становления, и в последующие годы, по образному выражению А. В. Алешкина, «никогда не пересыхал» [2, с. 99]. Поэтому исследование особенностей «вплетения» народного обычая как отражения народной поэтики в ткань художественного произведения считаем особенно значимым.

Таким образом, национальные обычаи и обряды являются важной составной частью в системе ряда художественных произведений как классиков, так и современных мордовских авторов. Введение обрядов и традиций в систему литературного текста во многом воспринимается как калька социально-экономических условий жизни общества, которая хранит как традиции обрядности, так и транслирует исконно народные обычаи, что

собственно и позволяет последующим поколениям понять сущность предшествующих этапов исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Г. Пургаз. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 464 с.
2. Алешкин А. В. Реальности ускорения развития и эстетический потенциал мордовской литературы // Аспект – 1989. Исследования по мордовской литературе: сб. ст. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – С. 4–17.
3. Бебан М. А. Моя весна. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1957. – 112 с.
4. Безбородов М. И. В родных полях. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1947. – 52 с.
5. Девяткина Т. П. Мифология мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1996. – 393 с.
6. Жиндеева Е. А., Палькина Т. Н., Уторова Е. А. Православные традиции и поиски себя в русской прозе Мордовии конца XX – начала XXI века: монография. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2010. – 106 с.
7. Куторкин А. Д. Яблоня у большой дороги. – М.: Сов. писатель, 1959. – 272 с.
8. Маскаев А. И. Мордовская народная сказка. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1947. – 185 с.
9. Моро А. Степан Эрзя. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. – 116 с.
10. Морской (Мальшев) Д. И. Ульяна Сосновская // Свежая борозда. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 272–294.
11. Пинясов Я. И. Дедушкин полюс. – М.: Детгиз, 1963. – 79 с.